

ЛЕКЦИЯ 11

Мы начинаем изучать церковные таинства. Первым, самым главным, таинством является Божественная евхаристия, которую мы изучили. Можно было бы изучать ее в конце курса, после всех других таинств, как мы это сделали в прошлом году. Потому что в этом была своя логика: сначала изучить более простое, а от простого подняться к сложному. Но дело в том, что все таинства неразрывно связаны с евхаристией, они все в евхаристии как бы получают необходимую полноту. Поэтому без литургии, без евхаристии их до конца понять нельзя. И в этом году мы решили сначала пройти литургию, а затем уже изучить и основные таинства.

Таинства церкви, вернее их чинопоследование, содержатся в книге, которая называется требник (по-гречески "евхалоги" или "евхалогион"). В требнике содержатся требы, т.е. те службы, которые совершаются по требованию. Если, скажем, кому-то нужно причастить больного или кого-то поисповедать, крестить, венчать, кому-то отслужить молебен или отпевание, тогда приходят в церковь и требуют, просят, поэтому и службы называются требами.

Требники бывают разные — есть большой требник, двухтомный, который называется "Требник Петра Могилы". Петр Могила это Киевский митрополит, основатель Киево-Могилянской академии, она носила его имя. Сам Петр Могила получил образование на Западе, у католиков и был весьма не чужд некоторого католического духа. Он был человеком, видимо, весьма одаренным и успел за свою жизнь сделать очень много. В христианстве хотел навести порядок в чинопоследованиях, которые употребляются православной церковью, — порядок, который есть у католиков. Поэтому он стал собирать разные чинопоследования и унифицировать их в каком-то смысле, придавать им такую форму, такой вид, которые соответствовали бы его отчасти католическим представлениям. В частности, он следил за тем, чтобы везде были на месте тайносовершительные формулы и все было так, как его научили католики.

Кроме того, ему, видимо был не чужд дух магизма, и он придавал большое значение форме. Он составил множество новых чинов, которых в церкви раньше не было, в результате получился огромный двухтомный требник, в котором есть все на свете, все молитвы — и над гумном, и над скотом, и над кораблем, всякие запретительные молитвы и чины, и как нужно делать одно и другое, на все случаи жизни есть чинопоследования, строгие, оформленные и в каком-то смысле канонизированные церковью, потому что церковь не имела до тех пор такого единого евхалогиа. А Петр Могила его составил, и он постепенно стал как бы мериллом, критерием, нормой, постепенно вытеснил все остальные чины и стал употребляться церковью хотя и в сокращенном виде, но именно в той редакции, какую придал им Могила. Так что мы употребляем обычно сокращенный требник, который приведен в такой вид именно Петром Могилой.

Если мы откроем требник, его оглавление, то сразу же найдем, что начинается он с молитвы..... первый день "Внегда родити жене отроча". Затем молитва "Во еже на.....отроча.....Затем молитва "Жене-родильнице по.....дней", затем молитва "Жене, егдамладенца". Наконец, молитва "Во еже сотворити оглашеннаго" и последование Св.Крещения. Таким образом, здесь

— 2 содержится не только шесть главных таинств (я не называю евхаристию, потому что ее чинопоследование содержится в служебнике, а не в требнике), но очень много других чинов, других молитв.

Являются ли они таинствами? Мы с вами говорили уже, что всякое действие церкви всегда в некотором смысле являются таинствами. Но церковь выделяет семь главных таинств, которые отличаются от остальных тем, что в них дается некое особенное, новое качество человеку, некий особенный духовный дар, который изменяет жизнь человека — качественно изменяет. Поэтому не всякая молитва и не всякий молебен называются таинствами.

Первым великим и главнейшим таинством является таинство крещения. Вы знаете, что если таинство дает некое новое качество, то нужно понять, какое именно качество, что именно является содержанием этого таинства, что в нем происходит, что дается человеку. И будущим катехизаторам надо уметь объяснить, какое таинство и какой дар дает человеку.

Что такое таинство крещения, что в нем дается? Крещение это таинство духовного рождения, в нем человеку дается благодатный дар родиться свыше. Вы помните, как в Евангелии от Иоанна говорится об этом. Помните, ко Христу ночью пришел фарисей Никодим, тот самый, который потом снимет Тело Христово с креста. Он беседовал с Господом, и Он сказал ему: "Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия". Тогда Никодим дивился и сказал: "Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?". Иисус ответил: "Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух... Дух дышит, где хочет". Должно вам родиться свыше, родиться для духовной жизни — вот смысл Слова Господня.

Эти слова можно считать в определенном смысле основными для понимания таинства крещения. Есть такая католическая норма: всегда при изучении таинства называть некие установительные слова в Евангелии, которые это таинство устанавливают. В нашей семинарии эта схоластическая традиция бытует до сих пор, и обязательно нужно знать, какие это слова. Так вот для крещения такими словами считаются последние слова Евангелия от Матфея: "Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Это послание апостолов крестить мир считается установлением таинства крещения.

Но мы не можем ограничиться таким схоластическим подходом, для нас важнее понять, где Господь объяснил, что это за таинство, что им дается, и нужно это место знать в Евангелии от Иоанна.

Итак, рождение свыше. Мы знаем, что крещение совершалось и до Христа Крестителем Господним Иоанном, и знаем из посланий апостольских и из деяний, что крещение Иоанново отличалось от крещения, которое Господь завещал совершать Своим ученикам. И ап.Павел говорил, что крещение Иоанново есть крещение покаяния, а нужно креститься в жизнь вечную, нужно родиться свыше для новой жизни. То есть крещение Иоанново еще не было этим таинством, но форма была воспринята от Иоанна.

Крещение — это некое таинство, которое имеет обряд погружения в воду. У нас здесь происходит некоторая путаница, об этом мы скажем сразу. У нас слово крестить (по-русски) никак не связано с водой, а в греческом языке это не так. Вы знаете, что "Креститель" значит "Баптист" по-гречески, и это слово как раз и означает "погружать в воду". А у нас это слово соединилось с понятием креста, потому что к нам на Русь крещение

— 3 пришло уже через тысячу лет, когда это таинство соединилось с надеванием креста на грудь человеку. И на Руси этот момент воспринялся с особенной остротой, произвел особое впечатление — не столько погружение в воду, сколько приобретение креста. Поэтому и все таинство стало называться крещением. Но в действительности в таинстве крещения надевание креста не занимает такого большого места, которое придается ей русской традицией, русским словом. В чинопоследовании таинства крещения о надевании креста вообще ничего не говорится, это есть уже поздний обряд.

Таким образом, мы можем различить содержание таинства (благодатный дар родиться свыше) и форму таинства (погружение в воду). Конечно, содержание и форма должны быть едины. Расчленив все на содержание и форму, может быть, и полезно для изучения, но вредно для восприятия. Полезнее и лучше, когда мы воспринимаем все вместе, когда мы не будем все по полочкам раскладывать, когда у нас будет цельное, целомудренное восприятие. Потому что на самом деле форма освящается содержанием, а содержание символизируется формой. Все это соединено — так же, как в человеке соединены тело и душа. Можно говорить о душе отдельно и о теле отдельно, но если их разделить, то человек умрет. Так и здесь: таинство нуждается в своей форме и вне формы на земле не совершается. Поэтому чинопоследование, т.е. обряд, в котором совершается это таинство, приобретает для нас особое значение. Это святой обряд, который имеет целью символизировать духовное содержание происходящего. Символизировать — это значит в древнем понимании явить, воплотить, не просто изобразить, сделать знак чего-то, это есть гораздо большее событие, это есть именно воплощение некоего духовного действия, духовной благодатной энергии. И так же, как тело человека считается святым, потому что в это тело вселяется Вечный Дух, Богоподобный Дух человека, так и обряды тоже святы.

Уразумев содержание этого таинства, его смысл и значение, должны изучить достаточно хорошо чинопоследование, т.е. обряд этого таинства. Это поможет нам лучше понять и место этого таинства, и содержание, и значение его.

Теперь нужно вернуться немного назад и вспомнить свои впечатления от таинства крещения. О том, как крестили вас самих вы тоже можете вспомнить, если крестили вас уже взрослыми. Но каждый видел потом, как крестят младенцев, как вообще совершается крещение в нашей церкви.

Мне тоже пришлось не только видеть, но и совершать таинство крещения в течение многих лет в разных храмах. И должен сказать, что впечатление от этой службы у меня осталось, как это ни грустно, ужасное. Потому что совершается это таинство у нас совершенно не подобающим образом. Ну вот сейчас, когда храмов стало больше, их уже сейчас, кажется, 170 в Москве, что-то стало исправляться. А вот когда я начинал служить (да и 3-4 года назад), храмов было только 50, включая те, что были на самых отдаленных окраинах Москвы. Именно на этих окраинах храмы были очень редки, а население там возросло, основная масса населения проживает сейчас как раз на окраинах города. Вот и получается, что в маленьких деревенских храмиках и производилась основная масса крещений.

Я служил в храме в Вешняках. У нас там бывало, как правило, в воскресенье и субботу 60-70 крестин, а однажды, я помню, мы крестили сразу 107 человек. Мы пытались разделить людей на партии, но храм небольшой, и представьте себе, пусть не 100, пусть даже 80 или 50 младенцев. У каждого младенца должно быть

— 4 два крестных — значит, еще 100 взрослых человек. И тут же должно быть 50 мам — это уже 150 взрослых и 50 младенцев. А если добавляются еще взрослые крещаемые — это уже новая группа... Одним словом, весь храм наполнен крестными, родителями, бабушками и кричащими младенцами. Надо сказать, священнику тут совсем не до смеха. Это самая трудная для него треба.

Полагается прочитать чин оглашения, молитвы на крещение, очень красивые, очень важные. Но в такой обстановке это абсолютно бессмысленно и бесполезно — не только сам своего голоса не слышишь, но и никто другой тебя не слышит, такой ор стоит в храме. Необходимо спросить что-то у родителей, объяснить им, что такое крещение, потому что приходят в основном люди очень мало верующие, людей церковных очень мало, в основном присутствуют люди, которые хотят окрестить ребенка, но не знают что к чему и зачем, что, собственно, происходит. Ну просто: мы же русские люди, значит принято крестить ребенка. Объяснить что-то — это просто безнадежно. Как можно что-то объяснить, когда такое творится? Никто не слушает, да и невозможно к каждому подходить и каждому по очереди объяснять, перекричать толпу невозможно.

В таинстве крещения, вернее в чине оглашения, нужно принести крещальные обеты, от лица младенцев их произносят крестные. И вот священник начинает, напрягая как только возможно голосовые связки: "Отрекаетесь ли вы от сатаны?" В ответ ему, конечно, смех и улыбки: ладно, отрекаемся, мол, от всего на свете — крести скорее. А если священник проявит некоторую строгость, то тут он обязательно нарвется на скандал. Сразу найдется несколько бабушек, мам и пап, которые обязательно скажут: мы заплатили деньги, так чем ты тут занимаешься, почему мучишь детей? Давай быстрее делай свое дело — и все. Они уверены, что главное — это опустить ребенка в воду, а о миропомазании уже ничего не слышали.

В такой обстановке крестить — это, конечно, очень тяжело для совести священника, потому что если она еще не уснула, он понимает, что происходит настоящая профанация таинства. Он оказывается перед очень тяжелой проблемой. Рассуждая строго, он должен всех выгнать из храма и сказать: никого крестить не буду, это не шутки и не базар. Нельзя великое таинство превращать в такое непотребство. Но если он начнет всех выгонять, то что же получится? Люди все-таки приходят с добрым желанием, они не понимают, они не научены, они хотят хорошего, хотят приобщить своих детей к церкви именно так, как они понимают. И священник должен все-таки встречать их с любовью, должен стараться им помочь, открыть ворота церковные, а не выгонять людей за ограду. Значит, "милости хочу, а не жертвы" здесь тоже действует, правда? И священник поэтому не может никого выгонять. Это бывает с молодыми священниками, они начинают наводить порядки и во что бы то ни стало требуют, настаивать на своем. Получается скандал, и на совести остается очень тяжелое чувство: все-таки ты кого-то выгнал, не допустил, человек пришел, а теперь он уйдти неизвестно, придет ли он еще раз.

Почему так все получилось? Ответ ясен: Россия была православной страной, в ней было государственное православие, в стране не было даже никаких органов регистрации гражданского состояния (рождения, брака, смерти), все регистрировала церковь. Запись о крещении считалась регистрацией рождения, запись отпевания — регистрацией смерти, запись о венчании была регистрацией брака. Иначе говоря, все должны были обязательно креститься, нельзя было быть русским человеком и остаться некрестным

— 5 рещеным. Это делалось автоматически, и крестили всех в младенческом возрасте на протяжении веков. А младенцев оглашать нет нужды, и ничего не нужно объяснять. А взрослый и сам понимает что к чему, он изучал Закон Божий, он в церковь ходит, там все объясняется. То есть смысл оглашения утратился, а чин оглашения остался только в виде древней традиции, лишенной серьезного смысла. Остались одни лишь детские купельки, потому что никто не крестился взрослым никогда в России. Всех крестили на восьмой день, а иногда и сразу после рождения, если слабый младенец. Редко когда позже, во всяком случае очень скоро после рождения.

Конечно, крещение происходило в индивидуальном порядке, храмов было много, в каждой деревне был храм, и священников было много (населения меньше, а священников чуть ли не 300 тысяч в России, а не как сейчас — 10 тысяч вместе с Украиной). Так что проблемы крещение не представляло. Это была легкая, радостная, приятная, само собой разумеющаяся треба. Каждый мог быть крестным — все были верующие, православные, никого не нужно было спрашивать, православный он или нет, верит он или нет — все были верующие, никто не говорил, что он атеист, все исповедовали православие.

И вот происходит революция. И весь этот порядок, который стал в значительной степени внешним, формальным, весь рухнул. Взорвана большая часть храмов, расстреляны и отправлены в тюрьмы почти все священники, города делаются громадными, потому что деревня разоряется и деревенские жители бегут в город. Граница старой Москвы проходила по нынешним заставам — Калужской и другим, так вот внутри старой Москвы до революции было 600 храмов. Теперь же в черте Большой Москвы до Окружной дороги до недавнего времени было 50 храмов. Населения до революции было миллион человек, а сейчас — десять миллионов... Соответственно и священников — сколько было и сколько

осталось. Никто не преподает Закон Божий, воспитываются все в атеизме. И если приходят люди креститься, то они ничего не знают, они не читали Евангелия, потому что его никто не издавал и купить его было нигде нельзя. И потребовать поэтому, чтобы люди прочитали, тоже нельзя — негде достать.

И вот они приходит, зная, что всегда детей крестили, они тоже русские и тоже хотят, чтобы ребенок был крещен, а что это значит, к чему обязывает, какие даются обеты — они ничего не знают. И приходят сотнями, в выходные дни, одновременно — и происходит нечто невероятное, невозможное. Весь чин, весь порядок рушится. К тому же скоро стали приходиться взрослые люди креститься, потому что их мамы-атеистки их не окрестили в свое время, а сейчас они обрели веру. А в храмах нет баптистериев, а есть только детские купельки, потому что никто никогда взрослым не крестился. Что делать? Начинают крестить обливанием — это как раз тот способ, который всегда был запрещен, и всегда на Руси укоряли католиков за то, что они крестят обливанием, и таких крещеных называли обливанцами, потому что чинопоследование крещения предполагает погружение в воду. Это может показаться вам формальностью, но чин есть чин, и смысл погружения мы уясним себе дальше, он очень важен. И вот оказалось, что погружать негде, погружать в реку нельзя, потому что закон запрещает крестить вне храма. Даже на дому крестить нельзя, только по секрету ходили крестить на дому.

И вот один священник так выходит из положения, другой иначе, каждый придумывает что-то свое. В каждом храме староста устанавливает свои порядки, а настоятель — свои, к тому же на

— б ходят люди, которые хотят извлечь из этого некую денежную выгоду, заработать на крещении, потому что требы приносили основной доход храму. Сделать так, чтобы побольше было крестин, значит и заработок будет больше. Так что старосты не были заинтересованы в том, чтобы уменьшить скопление крещаемых и упорядочить его.

Получается невозможная профанация. Такая профанация постигла еще одно таинство — таинство покаяния. Таким образом и получилось, что два таинства, имеющие смысл духовного рождения человека, введения человека в церковную жизнь, — именно эти два таинства и профанируются больше всего в наше время. Они совершенно начинают иначе пониматься, чем понимались раньше. И очень скоро новый порядок крещения делается привычным для народа, а потом и для священников. И вот когда я, уже будучи священником, пришел в храм и возмутился тем, что происходит, мне сказали: ты что тут умничаешь? До тебя так крестили, и везде так крестят. Делай как все делают, так было, есть и будет, и не надо от тебя никаких умничаний и богословствования. Очень часто люди, привыкшие к какому-то новому порядку на протяжении жизни одного поколения, в силу своей неграмотности, необразованности думают, что так всегда было. Они и не знают, как было, но раз они увидели, как их отец, например, делал, значит так всегда и было.

Так, конечно, никогда не было. Такого столпотворения, какое устроилось у нас в России в 20 веке, никогда нигде не было. Это нечто совершенно новое и очень страшное и вредное явление. И, конечно, явление нетерпимое.

Я приведу еще примеры, чтобы вы поняли, насколько все это ужасно, расскажу о том, что видел своими собственными глазами.

В одном храмепротоиерей, настоятель, когда к нему принесли крестить младенца и хотели его раздеть, он сказал, что раздевать не надо, а надо снять только чепчик, ботиночки снимать не надо. А когда настал момент погружения в воду, он просто руку опустил в купель и три раза перекрестил младенца мокрой рукой. Хотя и купель была рядом, и вода там была.

Другой пример. Маленький храм, крестильни нет, не позволяют ее строить. Есть маленькая комнатка, которая является одновременно кухней, бухгалтерией, раздевалкой, там же еще и певчие расппеваются — и все это на пяти квадратных метрах. И вот в купели между плитой, помойным ведром и раковиной надо крестить. Туда приходят, наталкивают людей и за пять минут крестят.

А недавно мне рассказали еще интереснее случай, как один священник решил, что крестить нужно во время литургии. Так оно и есть на самом деле, но он решил это сделать по-своему. Зачем думать о том, как это делали раньше? Он сам нашел способ, как это сделать. Он служит литургию, а когда начинают петь Символ веры, он говорит дьякону: "Я сейчас приду", удаляется из алтаря, и к концу Символа веры желающие креститься у него уже крещены.

Это все не сказки, это все в наше время происходит, даже сейчас. Есть еще более грустные случаи. Как это обливать водой? Ведь в одежде человека не обольешь, нужно его раздевать, а где в храме раздеваться. И получается, что кого куда распихают и заставят раздеваться. Одних до состояния Адама и Евы, другим, наоборот, говорят: "Наклоняйся, чтобы вода не натекла за шиворот". И все это представляет собой настоящий анекдот грустный, страшный и тяжелый. Вот во что превращается великое

— 7 и радостное, торжественное таинство.

Прежде всего вам нужно понять, что так продолжаться не должно. Более того, если так будет продолжаться, если таинство крещения будет совершаться вот так и так планироваться, то тогда не

может быть нормальной церковной жизни. Если человек так входит в церковь, то что же будет потом? Как он воспринимает церковную жизнь? Никак его не подготовили, ничего ему не объяснили, просто его прокрутили за полчаса и выгнали из храма, ничего не сказав. Какой же он крещеный после этого? Это, конечно, кошмар, настоящее разложение церковной христианской жизни. И нельзя сказать, что вся вина здесь целиком ложиться на священников, потому что священники были поставлены в ужасные условия. Они уже не знают, как свести концы с концами, как поступить. А следующие поколения уже и не чувствуют такой потребности, они думают, что так всегда и делали.

Конечно, для того, чтобы наша церковная жизнь упорядочилась, чтобы она стала тем, чем она должна быть..... мы об этом знаем и всегда беспокоимся, хороший ли родильный дом, хорошие ли там акушеры, помогут ли они матери и ребенку. Это необходимо, чтобы ребенок прошел правильный утробный период, чтобы мать ничем не заболела, не подняла ничего тяжелого, не съела какой-то продукт нехороший, мы ее оберегаем, чтобы никто ее не ушиб, не толкнул и она не упала. Нужно, чтобы был подготовительный период к рождению, чтобы роды прошли правильно, тогда ребенок родится здоровым, хорошим, радостным, и у него начнется нормально жизнь.

Если же он в утробном периоде не будет так охраняем, если мать будет болеть, есть то, чего нельзя и т.д., то ребенок родится больным. Если роды будут неблагополучные, невнимание будет проявлено со стороны врачей, ребенок может родиться уродом.

Точно так же и здесь, в таинстве духовного рождения. Тоже очень многое зависит от того, как человек готовится к этому рождению и как оно совершается. И здесь нужно сказать, что рожают человека отец и мать. Вот и здесь Бог является Отцом нашим, а Церковь является нашей матерью. И нужно, чтобы рождение ребенка проходило с особенной заботой и любовью, чтобы Церковь радостно встречала того, кто приходит в новую жизнь, к Богу, чтобы она заботилась, чтобы она готовила человека к этому великому в его жизни моменту. Это необходимо.

В древности поэтому крещению предшествовало долгое оглашение словом, которое означало, что желающий креститься, поверивший в Бога человек приходит в храм, и ему назначают определенный курс оглашения. У нас остались древние памятники, например огласительные беседы епископа Иерусалимского Кирилла, есть и другие древние огласительные беседы, которые вводят человека в курс христианского учения. Обычно это объяснение главных догматов христианских, Символа веры — не формально, а по существу: что такое христианская вера, христианское учение, христианская жизнь. И только тогда, когда человек утвердится в вере, когда он осознает, куда он идет, чего ищет, чего просит у Бога, когда он подготовится к тому, что его в дальнейшем ждет, и решится вступить на новый путь, трудный крестный путь (недаром же надевается крест на грудь новокрещенного), — вот тогда только допускается человек к крещению.

Такое оглашение в древности могло длиться 2-3 года. Церковь относилась к этому чрезвычайно серьезно. Первое время

— 8 младенцев не крестили вообще, потому что считали, что креститься нужно только сознательно, нужно принять веру. Нужно сознательно прийти к Богу, а младенец не способен это сделать. Теперь очень часто люди переживают, если умирает младенец некрещеным. Древние христиане не переживали этого, потому что они понимали, что младенец не ответственен за это и Господь, конечно, не погубит его душу. Была твердая норма — креститься только взрослым. Эта норма вновь ожила у баптистов. Она диктовалась еще одним соображением. Очень скоро после Вознесения Христова, после Пятидесятницы, начались гонения на христиан, и христианепонимали, что креститься должно только тому человеку, который готов умереть за Христа, который не отречется от веры. То есть вера должна быть принята сознательно, именно как некий подвиг, может быть даже смертный подвиг, который требует жертвы, готовности на все. Нельзя требовать от младенца, от отрока такой твердости во время гонений, пыток, поэтому креститься мог только взрослый.

Но вот гонения стали ослабевать. Между гонениями, которых в течение первых трех столетий было десять, бывали некоторые промежутки, когда христиане жили относительно спокойно. Христиан стало довольно много. У них появились новые храмы, свой уклад жизни, они уже вышли из Палестины, распространились по территории Римской империи и жили своими общинами вполне правильной, даже устоявшейся жизнью, обеспеченной богослужебным культом.

И вот получилось так, что древние христиане часто причащались, ходили в храм. Вся семья идет каждое воскресенье, каждый праздник на литургию. Вся семья причащается Святых Христовых Таин. А младенцы не имеют права быть внесены даже в храм, потому что они некрещеные, они не могут быть вместе со своей семьей, не могут соединиться во Христе со своей семьей. Хотя очевидно для всех, что младенцы безгрешны, что у них ангельские души, но полноты церковной жизни они тем не менее не могут достигнуть, не могут к ней приобщиться. Это, конечно, очень скоро было осознано как совершенно искусственное и неправильное ограничение. И церковь приняла решение, что можно

крестить младенца в том случае, когда гарантируется их церковное воспитание, их церковная жизнь с момента крещения. Для этого церковь не удовлетворилась наличием верующих родителей, но потребовала как бы неких особых гарантов — крестных, или восприемников.

Собственно говоря, по древнему чину восприемник должен быть один: у младенца мужского пола крестный, а у девочки крестная. Позднее институт кумовьев развился и приобрел некие новые черты (то двоих пригласят, то десятерых кумовьев; в Молдавии, например, по десять человек воспринимают младенца, и это считается прежде всего поводом для хорошего праздника). Но в древности было не так, относились к этому очень серьезно: должен был быть человек, который гарантирует перед церковью, что младенец будет воспитан в вере, который берет на себя как бы сугубую ответственность именно за этого младенца, который будет следить за тем, чтобы он часто причащался, чтобы он учился молиться — словом, что он будет жить церковной жизнью. В таком только случае и можно было крестить младенца. Конечно, никогда не предполагалась такая ситуация, когда в церковь будут приносить младенца, у которого родители не верят, а бабушки не верят, и крестные не верят. И никто, собственно, даже не понимает, что это такое и зачем это нужно.

Это, конечно, полный абсурд, который сейчас стал нормой и

— 9 который трудно даже объяснить, потому что когда начинаешь объяснять, то в ответ слышишь: а почему вы это говорите, вот в другом храме этого не говорят. А я крестилась, и мне этого тоже не говорили. Может быть, вы самый умный?

Но объяснять нужно обязательно. Если вы будете катехизаторами, это как раз и означает, что вы будете готовить людей к крещению. Катехизация — это и есть оглашение. Оглашаемые назывались в древности катехуменами, а процесс оглашения — катехизацией.

Так вот, если к вам приходит человек и говорит, что он хочет крестить своего младенца, то вы должны спросить его, для чего он пришел. Обычно у нас в церкви бывает так, что приходят сразу несколько человек. Мы их собираем в назначенное время (сейчас есть возможность регулировать этот поток), после вечерней службы. Приходят, скажем, человек пять взрослых людей или родителей, которые хотят крестить младенца. Мы спрашиваем: зачем вы сюда пришли, чего вы хотите здесь добиться, чего вы ждете от крещения, что хотите получить?

В ответ слышатся самые разные заявления. Один говорит, что сам не знает зачем пришел, все крестятся, и он хочет креститься. Другой сообщает, что он хочет, чтобы его ребенка кто-нибудь охранял. Кто будет его охранять, он не знает, но что-то такое должно быть. Иной говорит, что сам креститься не хочет, этого требует его невеста, поэтому он и пришел. А кто-нибудь говорит, что решил креститься, чтобы не болеть.

И почти никто не скажет никогда единственной причины, по которой действительно креститься следует: что он поверил в Бога и хочет соединиться с Богом, прийти к Нему, отдать Ему свою душу. Но современные люди не имеют таких понятий. И вот нужно поговорить с человеком, все ему объяснить, спросить, читал ли он Евангелие. Правда, многие священники и сейчас говорят, что некрещеному Евангелие читать нельзя. Это древнее мнение. Считалось, что когда человек крестится, только тогда он и может взять в руки Евангелие. Но нужно учесть, что Св.Писание было тогда рукописным и хранилось в храме как величайшая святыня. Его читали вслух. На такое чтение за литургией оглашенные допускались, это явствует из чина литургии оглашенных. Но в руки Евангелие, конечно, не давали — неизвестно было, останутся эти люди в Церкви или уйдут.

Теперь все изменилось. Евангелие продается везде и всюду, оно стало достоянием любого мало-мальски культурного человека. Продают его и баптисты, и неверующие, и вообще некрещенные люди. И охранять Евангелие сейчас уже невозможно. Поэтому следует, конечно, сказать, чтобы желающий креститься прочел Евангелие и Деяния апостолов. Тогда человек уже имеет представление о той вере, к которой он хочет обратиться, о Церкви, к которой он хочет прийти. После этого уже можно спросить: веришь ли ты в то, о чем говорится в Евангелии? А если не веришь, то какие у тебя сомнения? Можно ему что-то объяснить, может состояться какой-то разговор. А сначала нет никакого общего языка.

Очень часто приходится объяснять человеку, что такое вера, как нужно относиться к Богу, как понять, скажем, учение о Троице. Конечно, это объяснить до конца вообще невозможно. Но можно сказать, что учение о том, что Бог един по своей сущности, но имеет три Божественные Личности, непознаваемые для нас, таинственное, отчасти может быть нами узно, если мы вспомним, что человек создан во образу и подобию Божию и, следовательно, в его существовании, в его жизни тоже должно быть нечто от этих тайн. Объяснить, что все люди имеют одно естество

— 10 во, одну природу, но каждый из нас является тем не менее отдельной личностью.

Мы можем сказать, что эти отдельные личности могут быть очень близкими и родными. Например, так бывает в хорошей семье, где родители и дети воспринимают себя как некое единство, где эти личности могут быть соединены любовью, как, скажем, мать и дитя, нечто единое целое. Таким образом, любовь соединяет, а там, где есть разделение, там есть причина этого разделения — грех. Но поскольку в Боге

нет греха, в Боге есть любовь, поэтому три Божественные Личности взаимопроникновенны, и единство их, единосущность совершенно ясно проявляется. А в падшем человеческом роде люди забыли о своей единосущности, они помнят, что человек человеку — враг, или волк. Они ощущают себя как некие отдельные сущности, они забыли, что у них одна природа, все мы — один род человеческий. Таким образом можно объяснить нашу веру во Св.Троицу — важнейший христианский догмат.

Затем нужно объяснить второй важнейший догмат — о Богочеловечности Христа. Это тоже великая тайна, и нужно много самому продумать, прочувствовать и пережить, чтобы найти доходчивые слова, которые современный человек, воспитанный совершенно уродливо, мнящий себя культурным, а на самом деле являющийся неким допотопным дикарем, который знает много технических вещей, но духовно совершенно неграмотен, — чтобы эти слова такой человек понял, чтобы они дошли до его сердца, чтобы он понял, что его представления о вере, о Боге просто глупы, не соответствуют истине.

Объяснить второй догмат можно попробовать таким образом: сказать, что человек, отпавший от Бога, впавший в грех, не может быть исправлен никакими механическими, внешними средствами. Очень часто неверующие люди говорят: если Бог есть, почему же он терпит все это зло в мире? Такой довод считается последним, сокрушающим доводом. Кажется, что на него нет ответа.

Но ответ на него есть. И называется он теодицея — оправдание Бога, защита Бога. Почему Бог терпит все наше безобразие? Потому что Он создал нас богоподобными, а одна из главных черт нашего богоподобия — это наша свобода. И вот если бы Бог взял и механически нас переделал, мы были бы лишены свободы и утратили бы богоподобие. Это стало бы для нас просто уничтожением, уничтожением рода человеческого. И если Бог терпит, то только потому, что не хочет еще уничтожить нас, а хочет нам дать возможность обрести тот образ, ради которого создал нас.

Но как это сделать, не насилуя человека, не попирая его свободы? Никак нельзя. Только изнутри. Есть такие слова: если человек не восходит на небо, то Бог сходит на землю. Если человек не может прийти к Богу, то Бог приходит к человеку. Человек падший, отпавший от Бога уже не может преодолеть ту пропасть, которая отделила его от Царства Божия. И вот тогда любящий Бог Сам приходит к человеку, Сам преодолевает эту непреодолимую пропасть. И принимает на Себя человеческое естество, чтобы в этом естестве обновить падшую человеческую жизнь, совершить исцеление изнутри, обожить человека, вернуть его к Богу. На нашем человеческом языке Он научает нас истинам веры, потому что человек давно перестал слышать голос Божий и понимать Бога.

Бог приходит к нам для того, чтобы явить нам Свою любовь, потому что зло побеждается только любовью. Нельзя зло победить злом, нельзя зло победить силой — только любовью. И вот Христос являет нам любовь — безграничную Божественную любовь.

— 11 Христос изживает в Себе все последствия греха, которые стали уделом человеческого рода. Сам в Себе Христос не имеет греха, но Он как бы принимает на Себя последствия греха и отдает Себя в жертву. Кто распял Христа? Христа распял грех человеческий. И как нельзя огонь погасить огнем, так нельзя грех победить грехом, нельзя зло победить злом. Огонь водой тушится, а грех побеждается любовью. Христос говорит: "Больше той любви никто не имеет, как если кто душу свою положит за други своя". Христос отдает Себя в жертву, отдает Себя на смерть, Он дает Себя мученически убить этому греху, этому злу для того, чтобы это зло было побеждено любовью, чтобы зло было побеждено в своей сущности. На войне, когда мы убиваем врагов, то мы убиваем носителей зла, а зло мы убить не можем. А целью Христа является победа над злом в его сущности — не над людьми, а над злом.

И вот любовь Христова, крестная любовь, одерживает эту победу. Это победа не только над злом, но и над самым страшным следствием греха — над смертью. Воскресением Христовым побеждена смерть. И вот в человеческом естестве является победа. Одержана победа над грехом и над смертью. Теперь к этой победе каждый человек может приобщиться. Теперь эта победа уже торжествует, она уже живет именно в душе человечества, внутри него. И каждый может приобщиться к этой победе. Для этого Христос и устроил на земле Церковь, которая есть, по слову ап.Павла, Тело Христово, есть некий новый Адам, новый организм, таинственный богочеловеческий, мистический организм, которым Церковь может приобщить нас к этой благодатной победе над грехом и смертью. Может приобщить нас к новой жизни.

Все это нужно объяснить до крещения — объяснить доходчиво, убедительно, чтобы человек поверил и понял, что его крещение — это приобщение к Церкви, рождение в новую жизнь. Если крестится младенец, то так должны верить его родители и его крестные, без такой веры крестить нельзя, нельзя быть крестным. Такое оглашение совершилось, если мы объясняем, что крещение, будучи таинством духовного рождения, требует потом и жизни соответствующей. Ведь ребенок рождается не для того, чтобы его бросили и ушли. Мать будет кормить его, она никуда его от себя не отпустит. Так и здесь. Если рождается человек в Церкви, то мать его, Церковь, должна его кормить, должна его иметь при себе, в себе. Нелепо, абсурдно: креститься — и уйти. Крещение имеет смысл только в том случае, если человек потом будет жить настоящей, полноценной духовной жизнью. Если он будет регулярно причащаться, исповедоваться, приходить к Богу, если вся полнота церковной жизни станет его жизнью. И вот только

тогда, когда он скажет: "Да, я понял, я поверил, я хочу именно этого, именно для этого я пришел сюда", — тогда можно будет допустить его к крещению.

Такое оглашение в наше время мы не можем, конечно, разложить на три года. Конечно, если мы сейчас начнем требовать, чтобы люди по году и больше проходили оглашение, то мы людей поставим перед невозможностью креститься. Очень многие не смогут выдержать такие требования. Поэтому Церковь во всей полноте этого не требует, хотя раздаются голоса за то, чтобы оглашение проходило не меньше года. Но если мы будем такое требование предъявлять ко всем, то мы поставим людей в невозможные условия. Оглашение можно провести быстрее. Но оно должно быть обязательным. Можно прочесть несколько огласительных лекций, бесед или провести какое-то чтение; бывает, что священник один раз побеседует — в зависимости от того, кто пришел.

Вероятно, здесь не должно быть формального подхода, но оглашение все-таки необходимо.

15.12.93.